

Алексей Завидовский

На склоне вулкана

Алексей Вольдович Завидовский

На склоне вулкана.

Сборник стихотворений

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29600950

SelfPub; 2018

Аннотация

История одного вулкана длиной в поэтический сборник. Эмоции затвердели в рифмованные строки, чувства скрыты под "обложкой". Проработанная рифма, насыщенная поэтика, глубокий смысл. Следы из букв ведут вдоль моря и дальше, к самому кратеру... Автор приглашает на экскурсию "по склонам вулкана".

На склоне вулкана

* * *

Волны трутся о грудь,
камни – лежища фурий.
К утончённой фигуре
Гордость ближе согнуть...

Как ни крепок базальт,
как ни вытончен разум,
как ни пробует разом – ...
прячет ветер глаза...

Вольный изыск, морской
ветер только случайно
порождённому чайкой —
доосмыслить, тоской...

Этот ветер не груб.
Эти камни застыли.
Это теплится: ты ли?
Это – губы у губ...

* * *

Солнце краснеет. Ночная прохлада
за поворотом скопилась. Закат.
Жаркие мысли. Изжареный ладан,
нимбом вокруг красноту расплескав,

святость возносит – отсечь. Отсекая
дымку дышащих надрывно рывков,
только ли слабость, такая-сякая,
мучает силу на ложе веков?

Только ли тонкие с искрами пальцы,
только ли скрытая толика дня,
только ли губы проникнут сквозь панцирь,
только ли нежная эта броня?..

Только ли солнце, закатные роли,
море, намёки?.. Весь выражен в них —
вечер щемящий, который изволил
сблизиться с ночью... Растерянный миг.

* * *

Море, ночь, маяк. Помимо
этих внешних форм печали,

звёзд искрится пантомима

в глубине души. Отчалил

челн. Беглец. Пройдут недели,

может, годы, может, – тыщи...

Дробность целое не делит,

дробность целостности ищет.

И хватается проточной

жилкой гул в висках за память.

И плывёт всё дальше, точно

недовспыхнувшее пламя.

Мало силы у вулкана:

не сравнится в счастье с птицей.

Мало – плыть, милее – кануть;

мало – пить, милей – напиться...

* * *

Воздух ясен и чист, морская
соль наводит на формы чёткость.
Пальцы в гальке (камнями в чётках)
суть нащупают. Вдох... Лаская

взглядом ширь, проводя изгибы
по кругам шире круг за кругом,
мысль находит в пространстве угол.
Две судьбы – как прямые, гибель —

в точке? Выдох... Счастье, оно возможно?
Раздеваю волну, нескромен.
Всё правдиво, всё верно, кроме
слов навязчивых: ложно, ложно...

Под сомнением: день, устои.
Ночь едва ли добавит света.
Воздух – ясен, дождусь ответа,
хоть ответа и недостойн.

* * *

Воздух ясен и чист, синее
Чатыр-Даг: далеко, за далью.
Ветер выдохнет: я страдаю,
грусть откликнется: я – сильнее.

Чист и светел, темнеет разве.
Крики чаек. Готовьтесь: вечер!
Через время я им отвечу,
пересилю синдром боязни.

Когда мысли толкают члены
тела, стиль выдаёт моллюска —
тащит панцирь пространство лугать,
пленный в пене морской несмело.

Словно пляжный цветастый зонтик,
все цвета преломляя в спектре,
небо сжало себя корректно...
и сомкнулось... на горизонте.

* * *

Воздух ясен и чист, хрустален.

Хруст пустот в стороне рукою —
с глаз долой, с сердца вон — укрою.
Не для всех это; все — устали...

И угли почернеют. Запад —
там, где солнце шипит о волны.
Вдох и выдох. Морской проворный
вьющий волос из моря запах.

И в лицо! И дышать! И громко —
но не громче, чем просто имя —
выдох. Я в этом вдохе принял
выдох. Обводящая берег кромка...

И следы на песке. Но — слизан
образ в памяти — догорает.
Так темнеет. Так назван раем
воздух — ясный, а к ночи — сизый.

* * *

Закреть — к подбородку; прохладно, дует.

Бывают дни в пелене

с восторгом сквозь дымку. С восторгом туи:

одна за одной. Длинней

становятся мысли. От чаек вести:

роняют крик. Адресат

всей ширью распахнутых вверх отверстий

с надрывом грудь потрясал.

Так дождь превращается в вечер, в сырость,

в осадок с души. На дне

взлохмаченных волнами сфер остыло

тепло морозящих дней.

Когда-нибудь вспомнится в ласке будней

прохладный печальный стон.

Так чайка кричит, но не будем... Забудем...

В тумане морской восторг...

* * *

Скрываюсь, и веки – как створки. Моллюск
отходчивей; может открыться опять.

Ступеньки, шаги по ступенькам. Молюсь,
мой шёпот не слышен. Волну торопя,

молитва о шторме, о прочности глыб
блуждает и бьётся подобием брызг
о скалы базальта. Срезает углы,
кривые, прямые, зигзаги. Каприз,

веле́ние скуки, обы́чность тоски.

И груз на виски, учащая пунктир,
и выбор: терпи! обезверился – скринь...

И надпись для тех, кто желает уйти.

В базальте ступеньки, спускаюсь к волне.

Разбросаны глыбы, как груз – не поднять? —
как что-то, забытое где-то во мне,
как мысли под вечер с остатками дня.

* * *

Я поменялся с большой медузой
мыслями, телом, верой, душой,
и, исчезая всё уже, узок
весь горизонт на закат ушёл.

Я обжигал, я глаза калечил,
я растекался по небу вширь.
Я жил вопросом: нежные плечи —
облако формы её души?

Мне до заката сказать бы фразу:
только – мечта, для неё одной!
Мне бы пустить по волнам свой разум
вслед за мечтой! Но иду на дно.

Стало быть, просто лежать опасней;
я погрузился в гущу глубин.
Так за чертою моря гаснет
спрятанный в руку бога рубин.

* * *

Уровень моря. Над ним
пахнувший йодом и рыбой,

как элемент западни —
берег, нависший обрывом.

Пойманы волны. Спасти
твёрдость от твёрдых пытаюсь,
солнце дошатит настил:
веришь – иди. Запятая

в случае этом пуста:
только тире – только волны.
Только надежда. Устал
верить? Не веришь?! Огромный,

больше, чем просто печаль
смысл из глубин небосвода.
Нежность под твёрдость плеча.
Легче, нежнее... Свобода.

* * *

День ясный, сентябрь пока лишь.
Для глаз есть пространство, и то
не так, чтобы много; накалишь —
сожмёт собой сердце. Итог

свиданий с мечтою. Так мало...

так быстро мелькнули те дни,
и солнце сливается с алой
поверхностью неба. Одни

тревожные чайки остались,
как символ крыла. Я – бескрыл
без глаз, где скрывают дали,
я слеп. Путеводной искры!

Маячит за морем ноябрь,
казнит повелитель морей;
она – Невесомость, но я бы
желал её видеть своей...

* * *

В тучах ночь. Далеко красной краской тревог
вспыхнул мрак и погас. Моря мерные всхлипы.
Вспыхнул мрак и погас. Темнота вязко липнет.
Темнота, вспыхнул мрак – молний быстрый плевок.

Мои пальцы собой поглотила зола.
Тихо. Только душа, только мрак, море только.
Перепонка к безумию кажется тонкой:
где Добро предстаёт воплощением Зла?

Умерщвление плоти, возжаждавшей губ.
Ночь темна. Наиграй своему иезуиту
на аккордах из волн нежной страсти сюиту.
Это только моё: не могу! не могу!

Воспалённых абстракций ночная мазня,
словно самую душу ногами избили.
Сочетание молний с узором извилин.
И бичует трёххвостка, так море казнят.

* * *

Стынет море. Сезона бархат
не становится мягче. В стоне
надрывается чайка. Жалко,
грустно, ветрено. Солнце тонет,
погружается в осень плавно.
В настроении след каприза.
День стекает с заката лавой.

Только с тёплой мечтою близость

остаётся со мной на грани

единения с пустотою.

Я, должно быть, смертельно ранен

и поэтому слёз не стою.

Вот такой я, недообтёсан.

Веселей, веселей, кто может.

Бейтесь волны о грудь утёса.

А взгрустнулось – всё оттого же, —

осень...

* * *

...Да, это осень... Усердность такую
в жалобе рвущих себя, в проводах
можно понять. Как и ветер тоскую,
вместе с волной ударяюсь. Вода

бьётся о берег бесформенным стоном
и отползает. Погода невзгод,
пасмурных мыслей; в забвении сонном
лучше забыться. Но в душу внёс год

чувство. За месяц, за те две недели,
вынутых из скорлупы пленных солнц,
запечатлелся загаром на теле
– глубже, до сердца – горячий песок.

Сладок и горек был солнечный пряник;
мы надкусили, доесть не пришлось.
Может быть, я, может, ты – но, отпрянув...
плавно расстались... Так лето прошло.

* * *

Штормит. Осенний шторм-убийца

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.